

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 4 (77). С. 72–91.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2023. Vol. 4 (77). P. 72–91.

Научная статья

УДК 314.15

doi: 10.54398/1818510X_2023_4_72

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ РЫБОПРОМЫСЛОВОГО КЛАСТЕРА
ВОЛГО-КАСПИЙСКОГО РЫБОЛОВНОГО РАЙОНА ПОД ВЛИЯНИЕМ
МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В 1861–1914 ГГ.**

Кулакова Наталия Игоревна¹✉, Красноженова Елена Евгеньевна²

^{1,2}Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, г. Астрахань,
Россия

¹vol-na1986@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-0363-2797>

²eleena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1679-8590>

Аннотация. Отмена крепостного права и создание рынка свободной рабочей силы создало возможность для активного развития внутренней миграции в виде отхожего промысла крестьян Поволжья на сезонные заработки в Волго-Каспийский рыболовный район. Высокие заработки и востребованность рабочих рук увеличивали потоки трудовых мигрантов на протяжении всей второй половины XIX в. и способствовали переселению населения в низовья Волги и на побережье Каспийского моря. Одним из элементов региональной реализации государственной модели заселения окраинных территорий посредством привлечения миграционных потоков являлся Устав Каспийских рыбных и тюленых промыслов 1865 г. Его положения способствовали стимулированию добровольной и экономически выгодной миграции в Волго-Каспийский рыболовный регион. Целью является анализ трансформации структуры рыбопромыслового кластера Волго-Каспийского рыболовного района под влиянием миграционных процессов в 1861–1914 гг. Исследование проведено на широкой источниковой базе, представленной документами официального характера, которые позволили проследить направления государственного регулирования рыбной отрасли, выявить взаимосвязь миграционных и экономических процессов. Авторы приходят к выводу, что трансформация структуры рыбопромыслового кластера региона сопровождалась чередой кризисов, конфликтами вовлечённых сторон и выработкой механизмов адаптации промысловых хозяйств к новым социально-экономическим реалиям.

Ключевые слова: миграция, рыбный промысел, отхожий промысел, ловец, кластер, трудовые ресурсы, переселение, Устав Каспийских рыбных и тюленых промыслов, Волго-Каспийский рыболовный район, Астраханская губерния, Каспийское море, Царицын, Чёрный Яр

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00547 «Модель регулирования трудовой миграции в Российской империи в 1861–1914 гг. (на примере формирования промышленно-промысловых кластеров Волго-Каспийского рыболовного района)» (<https://rscf.ru/project/23-28-00547/>).

Для цитирования: Кулакова Н. И., Красноженова Е. Е. Трансформация структуры рыбопромыслового кластера Волго-Каспийского рыболовного района под влиянием миграционных процессов в 1861–1914 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 4 (77). С. 72–91. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_4_72.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

TRANSFORMATION OF THE STRUCTURE OF FISHING CLUSTERS
IN THE VOLGA-CASPIAN FISHING REGION UNDER THE INFLUENCE
OF MIGRATION PROCESSES IN 1861–1914

Nataliya I. Kulakova¹, Elena E. Krasnozhenova²

^{1,2}Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

¹vol-na1986@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0363-2797>

²eleena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1679-8590>

Abstract. The abolition of serfdom and the creation of a free labor market created the opportunity for the active development of internal migration in the form of the Volga region peasants working for seasonal earnings in the Volga-Caspian fishing region. High wages and demand for labor increased the labor migrant's flows throughout the second half of the 19th century and contributed to the resettlement of the population to the lower Volga and to the coast of the Caspian Sea. One of the elements of the regional implementation of the state policy of settlement outlying territories by attracting migration flows was the Charter of the Caspian Fishing and Seal Fisheries of 1865. Its provisions contributed to stimulating voluntary and economically beneficial migration to the Volga-Caspian fishing region. The goal is to analyze the transformation of the structure of fishing clusters in the Volga-Caspian fishing region under the influence of migration processes in 1861–1914. The study was conducted on a wide source base, represented by official documents, which made it possible to trace the directions of state regulation of the fishing industry and identify the relationship between migration and economic processes. The authors come to the conclusion that the transformation of the structure of fishing clusters in the region was accompanied by a series of crises, conflicts between the involved parties and the development of mechanisms for adaptation of fisheries to new socio-economic realities.

Keywords: migration, fishing, seasonal work, catcher, cluster, labor resources, resettlement, Charter of the Caspian fisheries and seal fisheries, Volga-Caspian fishing region, Astrakhan province, Caspian Sea, Tsaritsyn, Cherny Yar

Acknowledgments: this work has been supported by the grants the Russian Science Foundation № 23-28-00547 "Model of regulation of labor migration in the Russian Empire in 1861–1914 (by the example of the formation of industrial and commercial clusters of the Volga-Caspian fishing region)", <https://rscf.ru/en/project/23-28-00547/>.

For citation: Kulakova N. I., Krasnozhenova Ye. Ye. Transformation of the structure of fishing clusters in the Volga-Caspian fishing region under the influence of migration processes in 1861–1914. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 4 (77), pp. 72–91. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_4_72.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Рыбные богатства Волго-Каспийского рыболовного района находились в поле зрения центральной власти, начиная с включения данного региона в состав российского государства. Промысел был сосредоточен на добыче осетровых (красных) пород рыб, а особенно ценные получаемые из них продукты – чёрная икра и рыбий клей – экспортировались за границу. На протяжении XVIII – начала XIX в. правительство занималось вопросами разработки максимально эффективной стратегии развития рыбопромышленной отрасли региона. Прибрежные и морские территории Каспия были центром законодательной борьбы между либеральными идеями преобладания частной инициативы в освоении обширных рыбных ресурсов и консервативным помещичьим крылом – сторонниками крепостных методов освоения Волго-Каспийского рыболовного района. Точка в этом противостоянии была поставлена утверждением Устава Каспийских рыбных и тюленьих промыслов 25 мая 1865 г., когда лов в море был объявлен свободным и бессловным. Устанавливались и другие правила рыболовства, способствовавшие не только привлечению миграционных потоков, но и интенсификации рыбопромысловой отрасли и освоению Астраханской губернии. Указанные процессы

привели к трансформации, сложившейся в начале XIX в. структуры промыслового кластера Волго-Каспийского рыболовного района.

Методология исследования

При проведении исследования авторы придерживались кластерного подхода, где кластер рассматривается как один из видов организации локально-производственной системы, характеризующейся наличием ряда признаков. Кластерный подход в экономической науке активно начал разрабатываться в последней четверти XX в. под влиянием успешного опыта кластеризации многих развитых стран, повысивших конкурентоспособность экономики отдельных регионов и государств в целом. В качестве ключевых критериев авторы использовали разработанные доктором экономических наук, ведущим научным сотрудником Института экономики и организации промышленного производства СО РАН О. П. Бурматовой [10, с. 93–108] следующие признаки:

1. Экономическая состоятельность территории (наличие экономического потенциала, необходимого и достаточного для саморазвития). Волго-Каспийский рыболовный район на протяжении всей своей истории обладал богатейшими рыбными запасами, благодаря чему здесь сложилась система рыбопромышленных производств, объединявших в себе лов, обработку, приготовление, транспортировку и реализацию готовой продукции, поиск рынков сбыта: сложилась устойчивая локально-производственная система – кластер. Как показало исследование, в условиях кризисных ситуаций (ограничение лова привычного вида рыб, системные недолговы и пр.), кластер успешно справлялся с возникавшими проблемами за счёт внутренней конкуренции, осуществляя перераспределение внутри своей структуры. Северные зоны Волго-Каспийского рыболовного района апробировали новые объекты лова, способы приготовления продукции, осваивали новые направления сбыта, в целом демонстрируя высокую чуткость к потребностям рынка. Южные участки, обладая более высоким производственным потенциалом (выгодным географическим положением, постоянно увеличивавшимся притоком трудовых ресурсов), концентрировали рыбодобычу в своих руках, осуществляя массовое производство продукции, покрывавшее не только потребности общероссийского рынка, но и обеспечивавшее выход на мировые рынки. Таким образом, рыбопромысловый (рыбопромышленный) Волго-Каспийский кластер обладал высоким экономическим потенциалом, что давало возможность для дальнейшего саморазвития и модернизации.

2. Управляемость (наличие субъекта управления данной территорией). Толчок для развития рыбопромыслового кластера был дан утверждением устава 1865 г., легализовавшего свободный морской лов, что, в свою очередь, обусловило постоянно увеличивавшийся приток трудовой миграции и, как следствие, расширение производства. Также это позволило сформировать новые трудовые отношения, регулируемые законами рынка. Волго-Каспийский рыболовный район входил в ведение Управления рыбными и тюленьими промыслами. Оно выполняло не только контролирующие функции, но и инициировало законодательные поправки перед центральной властью, регулировало социальные, экономические и правовые отношения внутри кластера.

3. Институциональность (наличие институциональных механизмов, лежащих в основе принимаемых решений на данной территории). Рыбопромысловый кластер, сформировавшийся во второй половине XIX в., стал эффективным механизмом развития экономики Волго-Каспийского региона. Крупные рыбопромышленники активно внедряли в производство передовые технические средства (холодильные установки, паровые суда и т. д.), финансировали инновационную работу в этом направлении (плавающие выходы, механический неводный двигатель и т. д.). Кластер занимал ведущие позиции в социальной сфере, организуя или спонсируя санитарно-медицинское обслуживание, профессиональное образование, страхование и пр. Благодаря финансовой помощи крупных рыбопромышленников организовывались научные экспедиции по изучению природных богатств Каспийского моря, самой известной из которых стала Каспийская экспедиция, возглавляемая К. Бэрм. Под влиянием внутренней конкуренции был усилен контроль в области сохранения биоресурсов, инициирована

программа борьбы с обмелением Каспия, загрязнением нефтяными отходами и пр. Рыбопромысловый кластер определял развитие губернии, был неотъемлемой частью её экономического и социального развития.

Источники

Исследование проведено на широкой источниковой базе, представленной документами официального характера. К ним относятся законодательные акты, статистические материалы, отчётная документация, а также открытые письма и обращения населения к органам власти. Благодаря привлечению законодательных материалов удалось проследить направления государственного регулирования рыбопромышленного кластера региона, выявить взаимосвязь миграционных процессов и развития промысловой системы Нижнего Поволжья и побережья Каспийского моря. Статистические данные дали возможность рассмотреть взаимообусловленность экономических и миграционных процессов. Ещё одним видом исторического источника стали официальные обращения ловецкого населения и рыбопромышленников к властным структурам разного уровня, позволившие оценить реальные проблемы, с которыми сталкивалось население, а также реакцию властей на эти обращения.

Обсуждение

Влияние миграционных процессов на трансформацию рыбопромыслового кластера Волго-Каспийского района не стало до настоящего времени объектом отдельного исторического исследования. Несмотря на это, вопросы и проблемы, связанные с изменением структуры рыбопромысловых производств, привлекали к себе внимание ученых, начиная с середины XIX в. Одним из первых, кто описал развитие рыболовных промыслов с сопутствующими им производствами, был К. Бэр [11]. Его коллега по экспедиции, Н. Я. Данилевский, в своих трудах о развитии рыбопромышленности Российской империи также уделил большое внимание Волго-Каспийским территориям [26]. Значительный вклад в рассмотрение указанной темы внесли исследователи О. А. Гримм, Н. А. Бородин. Несмотря на то, что главным объектом изучения являлось сохранение и описание биоресурсов Каспийского моря, в их трудах собран богатый фактологический и статистический материал по развитию рыболовецкого дела. Внимание авторов, кроме биологических особенностей рыб, было уделено развитию рыбного промысла (в частности, селёдочного) и, соответственно, выявлению причин его кризиса. О. А. Гримм видел такие причины в экологической составляющей – влиянии выбросов нефтепродуктов в морские воды, которая приводила к уменьшению рыбных запасов Каспия [23; 24]. Н. А. Бородин в своих работах придерживался мнения, что проблема недоловов среди волжских рыбопромышленников напрямую зависела от увеличения количества морских ловцов и начала лова сельди в 1890-е гг. на западном побережье Каспия [7; 9]. Кроме того, автор провёл экономическое исследование Волго-Каспийского рыбного промысла, где в числе прочего отметил значение рыболовства в усилении миграционных потоков и его существенный вклад в развитие соседних регионов посредством активизации трудовой миграции [8].

Вопросы развития миграционных процессов и рыбного промысла в регионе рассматривались в обобщающих работах по истории Астраханского края [36], отдельные аспекты данных проблем изучались в исследованиях современных авторов [1–6; 13–18; 30; 38; 39].

Целью нашего исследования является анализ трансформации структуры рыбопромыслового кластера Волго-Каспийского рыболовного района под влиянием миграционных процессов в 1861–1914 гг.

Результаты

Главной особенностью Волго-Каспийского рыболовного района являлось наличие значительных запасов ценной промысловой рыбы. Её добыча делилась на два периода, называемых путинами: весенний – с конца февраля до конца мая, и осенний – с середины августа и до начала декабря. Основной была весенняя путина, во время которой рыба из Каспийского моря двигалась вверх по Волге к местам нереста. Первыми, в конце марта – первой половине апреля, в реку входили косяки частичковой

рыбы: воблы, леща, судака и т. д. С середины апреля в рыбодобыче начинала преобладать сельдь, а к концу месяца активно вылавливались севрюга, сом, стерлядь, осётр. Поздней осенью на нерест шли белорыбца и минога [41, с. 7].

Организация рыбного промысла на речных и морских территориях находилась в ведении Управления Каспийско-Волжскими рыбными промыслами. Оно охватывало пространство от Камышина до Каспийского моря, которое делилось на 19 надзорных участков [23, с. 7]. Условно выделялись верховые участки (с I по IV), находившиеся на территориях Царёвского, Черноярского, Енотаевского уездов, низовые участки (с V по IX), к которым относились промыслы Астраханского и Красноярского уездов, и морские участки (с X по XIX в.). Каждая группа участков имела свои особенности в организации рыбодобычи и структуре рыбопромыслового кластера.

До середины XIX в. верховые участки Волго-Каспийского рыболовного района относились к богатым рыбными запасами районам и уступали в своей прибыльности только низовым астраханским участкам. В районе сёл Каменный Яр и Слодники располагались крупные нерестилища белуги. Выше по течению, в Сарептских водах вылавливали стерлядь и осетра [42, с. 14]. Крупные верховые рыбопромышленники (так называли ловцов, имевших в собственности кусовую лодку и использовавших наёмных рабочих) до середины XIX в. «промышляли» выловом красной рыбы и продажей добытой из неё икры; им принадлежали оборудованные ледниками амбары для хранения свежей рыбы, строения для переработки и засолки пойманной рыбы и проч. Улов сбывался в городах Центральной России, в Санкт-Петербурге и Москве. Верховые рыбопромышленники среднего и мелкого звена специализировались на лове и продаже крупной частиковой рыбы: местной (туводной) и проходной, в изобилии поднимавшейся во время нереста. Реализовывали её на крупных рынках Поволжья. Поскольку там особенно ценилась живая рыба, то и промышленный лов в верховьях сложился своеобразный, нацеленный на максимально «гуманную», не травмирующую рыбу поимку и пересадку её в «земляные садки». Они представляли собой отгороженные небольшие озёра, остававшиеся после весеннего разлива Волги. Вместе с течением туда массово заходила рыба для нереста, но не успевала уйти вместе с водой, поскольку «садок» искусственно запирали, создавая земляную дамбу. В такие естественные хранилища подсаживали и выловленную в течение весны – лета проходную рыбу, сохраняя её до первых заморозков, а иногда и дольше, когда начинался рост цен на неё в поволжских городах. В своей статье «Взгляд на рыболовство России» Н. Я. Данилевский отмечал тот факт, что многие хозяева астраханских промыслов не продают рыбу летнего улова, сохраняя её живой до зимы, пуская в отгороженные части рек и ильмени. Такая рыба стоила дороже мороженной или солёной [25, с. 433].

Самым эффективным методом добычи рыбы в верховых районах являлось «громление ям». Оно производилось в конце лета, когда рыба (основной лов сосредотачивался на крупном сазане) в большом количестве залегала на зиму в ямы на дне реки. Рыболовные участки с такими ямами были самыми дорогими и прибыльными. Арендаторы нанимали караульчиков, которые начиная с весны охраняли эти угодья не только от браконьеров или «обловщиков», но и от жителей близлежащих поселений. На данных территориях в этот период было запрещено производить какой-либо шум, и даже сбор ягод был под запретом. Само громление проводилось в тишине, чтобы не спугнуть сазана, чуткого к звуковым вибрациям. Ловцы концентрировались вокруг ямы, забрасывая с двух лодок особую сеть («поездуху» или «булгак»), которая волочилась по дну, а затем выбиралась. Громление начиналось с более нижних по течению рыболовных участков, постепенно передвигаясь против течения к более верхним [43, с. 113–114]. Этот способ ловли позволял добывать большое количество рыбы, но достаточно быстро приводил к истощению рыбных запасов на рыболовном участке. Крупные рыбопромышленники, арендовавшие участок, получали в течение нескольких лет максимальные уловы, а затем передавали участок в субаренду мелким ловцам или крестьянам из близлежащих поселений.

Верховые рыбопромышленники брали наиболее прибыльные рыболовные участки в аренду у государства или частных владельцев. Затем они делили их для сдачи в субаренду мелким, подрядным (зависимым) ловцам. К последним относились как профессиональные ловцы, чей заработок зависел исключительно от промысла, так и крестьяне, для которых рыболовство было побочным занятием. Местные крестьяне, чьи селения располагались на побережье Волги, семьями уходили на речные необжитые побережья, где обустраивали временные жилища. После первого крупного лова (март), все, кроме главного ловца, расходились по домам на полевые работы, он же продолжал ловлю до первого льда [46, с. 229]. Пойманная мелкими ловцами рыба шла как для внутреннего потребления, так и для продажи на сельских рынках. Помимо подрядных ловцов, в верховых участках существовали свободные ловцы, которые объединялись в ватаги для работы на Каспийском море или в низовьях Волги.

Низовые рыболовные участки располагались южнее Астрахани, на территориях Астраханского и Красноярского уездов [47, с. 6]. На них на постоянной основе трудились жители прибрежных сёл, а также приходившие на заработки городские жители и представители кочевых народов – киргизы и калмыки. Важным отличием от верховых участков была сложившаяся в этих местах в соответствии с их географическим расположением система лова. Основные рыболовецкие тони (прибрежные места лова) были сосредоточены в обширной дельтовой части речного пространства, где Волга образовывала сеть рукавов, небольших озёр (ильменей), соединявшихся узкими протоками (ериками). В этих местах применялся так называемый учужный способ лова (перекрытие речного русла деревянными перегородками), который применялся для добычи осетровых пород рыб, прежде всего белуги. Более мелкая рыба свободно проходила сквозь такие учуги. Этот способ лова сложился здесь ещё до вхождения Астрахани в состав Российского государства, а позже, в конце XVIII в., эти воды были переданы Павлом I во владение крупным сановникам из знатных фамилий: Куракиным, Всеволожским, Юсуповым, Салтыковым и т. д. Владельцы имений, за редким исключением, сдавали свои рыболовные воды в аренду местным купцам, а в пореформенный период продавали их купцам-рыбопромышленникам по высоким ценам. Постепенно это привело к концентрации рыболовных вод в низовьях Волги в руках крупных объединений, в числе которых были рыбопромышленная фирма «Братья Сапожниковы», владения Ф. И. Базилевского и др.

Морские рыболовные участки до введения в силу Устава Каспийско-Волжских рыбных и тюленых промыслов были сосредоточены как на северном побережье Каспийского моря, так и в открытом море. Территориально они охватывали побережье Каспия от устьев Терека до владений Уральского казачьего войска (устья реки Урал), а также включали в себя воды, арендовавшиеся астраханскими купцами у персидских владельцев [22]. После 1823 г. северо-западная часть морских участков была ограничена водами, омывавшими острова Чечень и Печка, а прибрежные территории Кизлярского уезда передавались расквартированным там казакам [20].

К участкам открытого моря также относились эмбенские воды (район впадения в море р. Эмбы). В начале XIX в. правительством в этом районе был разрешён вольный лов. То есть рыболовство было разрешено для всех желавших им заниматься при условии предоставления сведений об участниках лова в Экспедицию рыбных промыслов при Астраханском губернском правлении и уплаты пошлины [35].

На основании представленных данных на каждую лодку выдавался рыболовный билет с подробным описанием самой лодки, указанием данных её владельца и команды [21]. Вольные ловцы имели право проплывать по водам, находившимся во владении частных лиц, но им запрещался лов в этих зонах, также, за исключением чрезвычайных ситуаций, они не могли высаживаться на берег. В свою очередь, частные владельцы не могли нарушать границы своих вод и заниматься ловом в открытом море [19].

Волго-Каспийские рыболовные промыслы постоянно нуждались в притоке рабочей силы из других регионов страны, что было весьма затруднительно в условиях крепостного права и отсутствия рынка свободной рабочей силы. Тем не менее бригады трудовых мигрантов, в основном из крестьян центральных и поволжских губерний, прибывали в регион с целью заработка на рыбодобыче, а на рыбных промыслах, расположенных в низовьях Волги, к тому же работали представители кочевых народов, в основном, калмыков и киргизов. Морской лов обеспечивался за счёт жителей прибрежной полосы (в своей основе это были нелегальные поселения) и крепостных крестьян [30].

Согласно Уставу Каспийских рыбных и тюленных промыслов, утверждённому в 1865 г., прибрежный морской лов рыбы объявлялся свободным и бессловным, при условии приобретения билета на его осуществление [58]. Принятие нового устава повысило экономическую привлекательность региона, что способствовало оживлению миграционных процессов и его быстрому заселению. Параллельно шли изменения соотношения сил вокруг главной отрасли экономики региона. Наряду с остатками прежней дворянской элиты и крупными рыбопромышленниками всё большее влияние на развитие рыбной отрасли в Волго-Каспийском районе получали мелкие производители – ловцы. Помимо этого, практика применения Устава 1865 г. привела к обострению отношений между различными группами рыбопромышленников внутри региона.

С запретом установления учюгов в устьях рек и увеличением доли морских ловцов в общем объёме добычи осетровой рыбы, низовые рыбопромышленники вынуждены были переориентироваться в своих водах на лов частичковых пород рыбы, что, в свою очередь, приводило к уменьшению уловов частичка у рыбопромышленников и ловцов в более северных районах. В связи с этим верховые рыбопромышленники обвиняли низовых в перегораживании устьев рек неводными сетями, поскольку последние, в нарушение закона, организовывали свои промыслы (тони) в непосредственной близости друг от друга или на противоположных берегах реки напротив друг друга [44, с. 105].

Жалобы об истощении рыбных запасов и уменьшение доходов в верховьях Волги вследствие вылова рыбы ниже по течению реки были постоянным спутником Волго-Каспийского рыболовства. В XVIII – середине XIX в. эпицентром этой борьбы были осетровые, приносявшие баснословный доход за счёт поставок чёрной икры и ценного рыбного клея на мировые рынки. Во время научных экспедиций С. Г. Гмелин, а позже и П. С. Паллас столкнулись с подобными претензиями, но в ходе своих исследований пришли к выводу о неистощимости запасов Волго-Каспийского бассейна, не приняв, таким образом, подобные заявления всерьёз, списав их на вечные жалобы рыбаков [40, с. 76].

В начале XIX в. вопросы дальнейшего развития Волго-Каспийского рыболовства обсуждались на высшем уровне [27]. Министерство финансов рассмотрело обращения и жалобы по данным вопросам. По итогу проверок был подготовлен отчёт для кабинета министров, в котором утверждалось, что несмотря на столетия эксплуатации каспийских рыбных промыслов количество рыбы там не изменилось, впрочем, сам министр финансов Е. Ф. Канкрин уточнил, что если подобное уменьшение и произошло, то оно настолько незначительно, что исправится естественным путём [40, с. 78].

В начале 1850-х гг. во время своего экспедиционного маршрута в низовья Волги с заявлениями об истощении рыбных богатств столкнулся К. Бэр, определивший данную проблему как общую для верховых и низовых промыслов, поскольку и те, и другие хищнически и, самое главное, непродуктивно истребляли богатейшие рыбные ресурсы. Впрочем, констатируя слабые уловы красной рыбы в верховьях, он не исключал человеческого и природного факторов в данном процессе, предложив законодательно урегулировать пропуск рыбы вверх по Волге, а также переориентировать пострадавшую сторону на вылов других видов рыб.

Первый конфликт, ярко описанный К. Бэром, касался в основном добычи осетровых. Он же отмечал, что если в начале XIX в. противоборствующими сторонами были

владельцы волжских промыслов, расположенных на Средней Волге, с одной стороны, и астраханские рыбопромышленники – с другой [11, с. 7], то на момент его экспедиции в середине века граница конфликта интересов в рыболовстве опустилась до территории Астраханской губернии и разделила на противоборствующие лагеря рыбопромышленников северных (Царёвского и Черноморского) и низовых (Астраханского и Красноярского) уездов.

Следующая волна изменений в рыбной промышленности Волго-Каспия произошла в 1870-е гг. и была связана с развитием транспорта и транспортных коммуникаций, которые оказали серьёзное влияние на рыбный промысел в регионе. Разрешение логистических проблем привело к снижению себестоимости рыбных товаров и значительно расширило географию их реализации. В совокупности эти позитивные изменения позволили удовлетворить спрос на недорогие рыбные товары со стороны растущего городского населения. Это оказалось особенно вовремя для средних и мелких рыбопромышленников I и II речных участков, потерявших основной объект своего промысла – крупную частиковую рыбу, на поимке и продаже которой теперь сосредоточились богатые рыбопромышленники.

Первоначально выгодную экономическую нишу по заготовке дешёвой каспийской сельди заняли рыбопромышленники Царицына, позже к ним присоединились ловцы Черноморского уезда, у которых к этому времени уже накопился необходимый опыт. Дело в том, что столкнувшись с уменьшением вылова крупного частика, мелкие предприимчивые рыбопромышленники нашли выход в засоле непопулярной среди волжских жителей сельди, продажа которой на местных рынках была убыточна, учитывая высокие цены на соль. По сведениям К. Бэра, лишь на одном из промыслов в Черноморском уезде местный рыбопромышленник-крестьянин Синюрин использовал пойманную сельдь (около 80 тыс. штук) для засола, поскольку имел устойчивый рынок сбыта, отправляя продукцию в Чернигов вместе с малороссийскими купцами, вывозившими из губернии соль. Дело оказалось достаточно прибыльным, о чём свидетельствовала быстрая переориентация на заготовку таких товаров рыбопромышленников Камышинского, Царицынского, Енотаевского и Черноморского уездов [7, с. 12].

Сокращение в 1860-е гг., а затем отмена с 1881 г. государственного акциза на соль [34] сделали посол дешёвой жиротопной сельди «золотой жилой» для рыбопромышленников верховых участков. Благодаря близости к крупным ярмаркам в северных уездах Астраханской губернии с 1860-х гг. началось активное развитие сельдочного промысла. Растущий спрос на продукты из данной рыбы заставлял всё большее количество жителей верховых уездов переключаться на добычу сельди, оставляя другие, менее выгодные занятия. С 1867 г. в северных уездах Астраханской губернии наблюдался устойчивый рост числа сельдяных промыслов, количество которых за период 1866–1880 гг. увеличилось с 7 до 50 [23, с. 9].

Бурное развитие добычи сельди привело к вытеснению с этих территорий свободного ловецкого населения. Самостоятельно взять участок в аренду ловцам было не по карману, так как сумма аренды из-за роста цен на сельдку быстро увеличивалась: с 1866 по 1880 г. она выросла в пять раз [12]. Владельцам рыбных промыслов нужны были не самостоятельные ловцы, а наёмные рабочие. Ими в основном становились местные крестьяне, для которых рыболовство не являлось основным занятием. Бывшие крестьяне занимались на сельдяные промыслы на сезон. Профессиональные же ловцы вынуждены были переселяться в низовые районы, где развивался морской лов [47, с. 173].

Высокие «сельдяные» доходы привели к быстрой переориентации и низовых рыбопромышленников на добычу и обработку этой рыбы. Этому способствовал рост количества трудовых мигрантов – крестьян, уходивших на отхожие промыслы из центральных и поволжских губерний. Для части крестьян, ежегодно приходявших в Волго-Каспийский бассейн и сформировавших навыки ловецкого дела, открывались перспективы лова на Каспии, неквалифицированные же рабочие охотно занимались

крупными рыболовецкими производствами. Только с одного из уездов Нижегородской губернии в 1865 г. на заработки в низовья Волги уходило около тысячи человек [50, с. 58].

Нерест сельди из Каспийского моря шёл двумя основными путями: через Синее морцо и через Сайгачий проран [44, с. 105]. И первыми на пути этих косяков вставали низовые речные владельцы Синеморского имения Ф. И. Базилевского (с 1895 г. в аренде у торгового дома «А. Н. Марковой и И. В. Беззубикова»). К ним относились Чуркинский, Алгаринский, Дамбийский и Федоровский промыслы, включавшие на момент 1890-х гг. 27 тоней. Второй путь был сосредоточен в руках фирмы «Братья Сапожниковы», он состоял из Житнинского и Харбайского промыслов и Образцовских вод.

Таким образом, территориально находясь в более выгодном положении, низовые промыслы сдерживались в своём развитии только нехваткой сезонных рабочих. Поэтому постоянный и увеличивавшийся приток трудовых ресурсов обеспечил им выигрыш в этой борьбе, сделав их к 1880-м гг. монополистами в добыче и обработке этой рыбы.

Итогом стало повторение сценариев краснотеловья и крупного частика – промысел сельди сместился в низовья Волги, где ловить её было проще, а вкусовые качества лучше (она не успевала израсходовать свой жир за время пути вверх по реке). Верховые рыбопромышленники и ловцы проиграли конкуренцию низовым, поскольку главное их преимущество в виде близости к рынкам сбыта, было нивелировано развитием пароводного и железнодорожного транспорта. В результате в 1880-е гг. из-за существенного снижения объёмов добываемой сельди, хозяйства верховых рыбопромышленников и ловцов разорялись. В первую очередь снижение уловов сказалось на крестьянах, подрабатывавших на рыбных промыслах, и мелких рыбопромышленниках.

Серьёзным испытанием для рыбной промышленности Волго-Каспийского района стал недолов 1891 г. В тот год под влиянием различных природных факторов каспийская рыба в массе своей не пошла на нерест в Волгу. В результате значительное количество мелких рыбопромышленников, арендовавших рыболовные воды в верховых уездах, вынуждены были досрочно отказаться от аренды промыслов и выплатить хозяевам рыболовных вод значительную неустойку. Тяжёлым в тот год оказалось положение крестьян этих уездов. В период «селёдочного бума» многие крестьянские хозяйства из-за низкой рентабельности сельского хозяйства вынуждены были перестраиваться, становясь рабочими на рыбных промыслах. Но из-за массового закрытия рыбных промыслов в начале 1890-х гг. крестьяне разорялись и продавали своё имущество [52, л. 212].

Ниже по течению Волги в Красноярском уезде недолов 1891 г. также ударил по благосостоянию ловцов и мелких рыбопромышленников. Положение усугублялось тем, что из-за отсутствия заработка многие ловцы не могли расплатиться по кредиту, бравшемуся под дорогое снаряжение для морского лова. При этом заемщики, привыкнув к обильным уловам рыбы в этих местах, не боялись отдавать в заклад своё имущество и жилье, поэтому неожиданный кризис привёл к разорению многих ловецких хозяйств [53, с. 158].

Для предупреждения похожей ситуации и для восстановления от убытков ловцы Красного Яра в декабре 1891 г. обратились к астраханскому губернатору с просьбой о содействии в разрешении весеннего лова сельди плавными сетями в узких частях реки, запрещённого уставом 1865 г. В апреле следующего года такое разрешение Министерства государственных имуществ было получено [45, с. 145].

Волна разорений начала 1890-х гг. в низовых уездах ударила в основном по ловцам и мелким рыбопромышленникам, добывавшим сельдь в низовых районах Астраханского и Красноярского уездов, но выше по течению, чем располагались лицевые тони – ближайшие к Каспийскому морю места добычи рыбы. Таким образом, в начале 1890-х гг. к территориям кризисного рыболовства присоединились ловцы низовых

уездов. К пострадавшим стали относиться мелкие рыбопромышленники и самостоятельные ловцы Астраханского и Красноярского уездов. Ключевые для сельдяного лова лицевые тони в 1880-х гг. оказались под контролем трёх крупнейших рыбопромышленных фирм: Сапожниковых, Базилевского, Хлебниковых.

Ситуация осложнялась не только монополизацией низовых промыслов, но и расширением географии конфликта. В последнее десятилетие XIX в. сельдочный бум достиг вольных ловцов Каспийского моря. Привнесённые ими новые виды снастей позволили увеличить вылов крупных белуг в море, сделав их поимку делом удачи, как за двадцать лет до этого в верховьях Волги. Кроме того, лов красной рыбы был достаточно «дорог», и покупку снастей самостоятельные ловцы могли позволить себе только вскладчину.

Разрешение морским ловцам на лёгких и маневренных лодках – бударках – ловить в черневых (неглубоких) водах открыло новый этап в развитии рыболовства. Для его осуществления ловцам не нужны были большие морские суда со сложным дорогостоящим оборудованием. В мелких прибрежных водах Каспия рыбаки для лова сельди использовали и комплект недорогих сетей. Если в 1871 г. было выдано всего 13 годовых билетов (разрешений на вылов рыбы в «черновых» водах) и 83 осенних билета (только осенний лов рыбы), то за десять лет соотношение изменилось на 463 годовых и 281 сезонный билет [48, с. 152]. Привлекательность бударочного лова способствовала росту количества пришлых ловцов. Основная масса ринулась в низовья после голода 1891 г. [37, с. 11]. Примерно в это же время в орбиту рыбопромыслового кластера попадают кочевые народы, в частности по северо-восточному берегу Каспия активно расселялись киргизы, основу хозяйства которых составляло рыболовство [16, с. 47]. Выгоды от бударочного лова были столь очевидны, что даже ловцы, занятые на промысле красной рыбы, меняли свою квалификацию. Особенно прибыльным оказался лов сельди в прибрежном пространстве Каспийского моря, который хоть и не был законным, но приносил высокий доход [48, с. 150]. Он давал возможность заработка ловецкому населению прибрежных каспийских поселений в обход владельцев лицевых тоней [31, с. 109]. Браконьерством занимались и жители прибрежных поселков, морские ватаги, а также самостоятельные ловцы, осуществлявшие лов неводными сетями на станах. Отследить всех было очень сложно. Полученный улов реализовывался вольным скупщикам, не интересовавшимся законностью добычи и платившим деньги сразу, особенно не торгуясь [33, с. 1].

Не последнюю роль сыграли и климатические факторы, а именно резкое обмеление Каспия. Поскольку законодательство значительно отставало от реального положения дел, то пересмотр границ запретного лова не успевал за реальным сдвигом предустьевого района лова [28, л. 10].

Владельцы крупных низовых промыслов обращались с жалобами в Комитет рыболовных и тюленых промыслов [32, л. 3; 29, л. 1], но единственным эффективным способом для них была организация собственной охраны прибрежных вод. Совместными усилиями Комитета и низовых рыбопромышленников проводилось патрулирование в особо сложных участках для борьбы с деятельностью ловцов-бударочников. Но эта борьба осуществлялась с переменным успехом.

Таким образом, произошло очередное перераспределение ролей. Основными соперниками стали представители монопольных промыслов устьевого пространства и морские ловцы в союзе с набравшими экономический вес и получившими юридический статус скупщиками рыбы, представлявшими теперь отдельную профессиональную категорию. В 1905 г. в это противостояние включились ещё владельцы и ловцы Западного Каспия, не подчинявшиеся Астраханскому управлению рыбных и тюленых промыслов и постепенно сосредоточившие в своих руках основной вылов каспийской сельди.

С одной стороны, миграционные потоки в Астраханскую губернию в пореформенный период привели к быстрому заселению дельтовой части Волги и побережья Каспийского моря, решив за сорок лет ключевую проблему Российского государства,

остро стоявшую с середины XVII в. С другой стороны, количество пришедших и осевших мигрантов в низовьях Волги всё больше трансформировало территориальную структуру кластера, смещая его в акваторию Каспийского моря.

Последним кризисом в отношениях низовых и верховых рыбопромышленников из-за перераспределения рыбных ресурсов стала активизация миножьего промысла. Данный промысел в своём развитии прошёл те же стадии, что и предыдущие. При богатстве других рыбных ресурсов минога в еду волжским населением не употреблялась, а поскольку её вылов сопровождался определёнными трудностями (требовались другие снасти и снаровка, время хода приходилось на зиму и т. д.) [57, с. 35], то в Астраханской губернии она использовалась редко и в качестве жиротопного сырья. Этим фактом активно пользовались саратовские предприниматели, куда в большом количестве поднимались её косяки: в 1860-е гг. там функционировало несколько крупных жиротопных производств.

В 1870 г. на заседании Управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов представитель от черноморских рыбопромышленников выступил с ходатайством о разрешении им вытопки жира из миноги для возмещения расходов из-за нерентабельности использования в этом качестве сельди. Его ходатайство было не только не удовлетворено, но и привело к совершенно обратным результатам: учитывая развитие сценариев краснотелового и сельдьегового промысла, члены заседания решили действовать на опережение ситуации и выступили с полным запретом вытопки миножьего жира на всём протяжении Волги и с инициативой поощрения предпринимателей, согласных заняться её заготовкой в качестве пищевого продукта [54, с. 8]. Предполагалось, что это поможет остановить разорение рыбопромышленников верховых участков, переориентировав их деятельность.

Несколько человек из числа крестьян Чёрного Яра приняли участие в данных опытах, представив свои варианты жарения и маринования миноги. Несмотря на затраченные усилия, минога оказалась совершенно не востребована на местных волжских рынках. Единственным местом сбыта стал Санкт-Петербург, где местные жители были знакомы с этим видом рыбы. Но превосходя местную миногу по жирности, волжская минога проигрывала по качеству приготовления и продавалась дешевле, почти не принося дохода своим производителям. Поэтому черноморские, царцынские и царевские промышленники продолжали ходатайствовать перед Комитетом рыбных и тюленьих промыслов о разрешении вытопки жира из миноги в промышленных масштабах. Получив несколько мотивированных отказов, они составили прошение императору, которое было поддержано [56, л. 1–8], и в 1877 г. они получили право использовать миногу для жиротопления [55, с. 35]. И лишь один предприниматель, Сабуров, продолжил свои изыскания по улучшению рецептуры её приготовления, пригласив специалиста по заготовке миноги из Нарвы. Его труды привели к положительным результатам, небольшие партии миноги начали поставяться в прибалтийские города. В 1878 г. из Царицына железной дорогой было отправлено 96 вагонов (60 тыс. пудов миноги), из них в Ригу – 43, в Варшаву – 31, в Санкт-Петербург – 17 [51, с. 660].

Начало миножьего промысла промышленного масштаба, заложенного в Камышине, постепенно спустилось ниже по течению Волги в I и II смотрительские участки. И только в случае неблагоприятных для лова погодных условий в низовьях Волги миножьим косякам удавалось подняться выше по течению и стать добычей камышинцев или даже саратовцев. К началу 1900 г. основной вылов и производство сосредоточились в южной части Черноморского и Енотаевского уездов (III и IV участки) и резко снизилось в первых двух [49, с. 24–25].

В 1904 г. в низовьях Волги начали предприниматься первые опыты по ловле миноги. Лов организовывался на протяжении нескольких лет в районах сёл Икрыного, Хохлатинского и Караульного фирмой Сапожниковых, крупным промышленником Ушаковым, а также Д. Г. Агабабовым, но до 1910 г. серьёзных достижений в этой области не происходило. Параллельно с экспериментальным ловом этими фирмами апробировались новые рецепты приготовления миноги – не по «рижскому» образцу,

а с усложнением технологии (жарением, маринованием и копчением), для увеличения количества потенциальных потребителей [48, с. 24]

Реально оценивая происходившие процессы и возможные риски для себя, с 1906 г. черноморские и енисейские предприниматели начали активно бороться за сохранение своего монопольного положения в ловле миноги и требовать от властей запретить данный промысел в низовьях. Этот вопрос рассматривался на втором Царицынском и третьем Астраханском съездах рыбопромышленников Волго-Каспийского района. Их итогом стало инициирование научных исследований миграции миноги, но проблемы верховых рыбопромышленников не были решены. В результате лов миноги в низовьях привёл к уменьшению её количества в верховьях. Это обострило ситуацию, и в 1911 г., на шестом съезде рыбопромышленников, вопрос подвергся новому рассмотрению. Как и в предыдущем случае, низовые рыбопромышленники пролоббировали свои интересы, и решение съезда было продублировано: без дополнительных научных исследований съезд отказался принимать какие-то решительные действия. Научное изучение затянулось на два года, а итоговый отчёт был представлен на обсуждение в Рыбный комитет Министерства земледелия, где в связи с началом Первой мировой войны был отложен. За это время миножий промысел полностью переместился в низовья Волги, достигнув в 1913 г. своего максимального значения в 265 тыс. пудов выловленной миноги [51, с. 662]. Таким образом, ни предшествующий опыт, ни организация съезда рыбопромышленников, призванного регулировать подобные ситуации демократическим порядком, ни внимание общественности с привлечением научных доказательств не изменили модель развития событий.

Выводы

Принятие нового Устава 1865 г. в совокупности с отменой крепостного края и взятие курса на заселение окраинных территорий государства, таких как низовье Волги и побережье Каспия открыло путь для миграции населения в эти районы в поисках быстрого и эффективного заработка. Дешёвая рабочая сила давала возможность нижеволжским рыбопромышленникам постоянно увеличить объёмы вылова рыбы, уменьшая, таким образом, количество её прохода в верховья. Благодаря внутренней конкуренции происходило активное развитие рыболовного кластера в Астраханской губернии, обладавшего характерными чертами (территориальность, управляемость, институциональность), окончательно оформилось и трехчастное деление его структуры (верховые, низовые и морские промыслы).

Безусловной революцией в области нижеволжского рыболовства стал резко возросший спрос на недорогие рыбные товары для активно увеличивавшегося городского населения. Сельдь произвела переворот в астраханской рыбопромышленности, начав «золотое десятилетие», продлившееся до конца 1880-х гг. и сменившееся кризисом этой отрасли. Продолжавшие прибывать в низовья Волги миграционные потоки, приводили к новому кругу изменений: трудовые мигранты, оказавшиеся невостребованными в условиях сильной конкуренции в верховых и низовых участках, активно начали осваивать дельтовую и морскую части Волго-Каспийского района, пополняя армию морских ловцов. Настоящий миграционный бум произошёл в начале 1890-х гг., после разразившегося в верховых губерниях голода. Массы крестьян двинулись вниз по Волге в поисках заработка и пропитания, и так как средняя Волга уже испытывала кризис, а в низовьях Волги преобладал спрос на сезонных работников, то основная масса двинулась на побережье Каспия, где потребность в рабочих руках была высокой и имелась возможность поселиться семьей. В результате количество морских ловцов в прибрежных водах, начиная с 1891 г., увеличилось в два раза, и эта прогрессия сохранялась и в последующие десятилетия.

Верховые рыбопромышленники оказались более чуткими к изменявшейся конъюнктуре и быстрее перестраивали своё хозяйство, пытаясь конкурировать с низовыми. Они использовали все возможные резервы: продажу востребованной и более дорогой живой и свежемороженой рыбы, усовершенствование технологий производства готовой продукции, освоение новых рынков сбыта товаров. Таким образом, именно они

являлись начинающими, а затем низовые рыбопромышленники, обладавшие более мощными финансовыми и трудовыми ресурсами, развивали в полном объёме данные возможности. И если в рамках Волго-Каспийского рыболовного района конкуренция была постоянной, то на всероссийском уровне это обеспечивало решение государственных задач как в экономическом (освоение природных ресурсов окраинных регионов, снабжение населения центральной части страны рыбной продукцией), так и в социальном плане (обеспечение возможности заработка для населения, мигрировавшего из центральных перенаселённых губерний).

Список литературы

1. Бадмаева, Е. Н. К вопросу о природно-климатических факторах и переходе на оседлость калмыков-кочевников (1920–1930-е гг.) / Е. Н. Бадмаева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2023. – № 2 (75). – С. 102–111. – doi: 10.54398/1818510X_2023_2_102.
2. Белоусов, С. С. Государственная власть и рыбацкие поселки на землях кочевников в Северо-Западном Прикаспии (вторая половина XVIII–XIX вв.) / С. С. Белоусов // Былые годы. – 2021. – № 16 (2). – С. 535–542. – doi: 10.13187/bg.2021.2.535.
3. Белоусов, С. С. Государственная политика заселения Астраханско-Кизлярского и Царицынско-Ставропольского трактов во второй половине XIX века / С. С. Белоусов // Вопросы истории. – 2011. – № 3. – С. 153–158.
4. Белоусов, С. С. Основные тенденции миграционных процессов населения Калмыкии в постсоветский период / С. С. Белоусов // Современное состояние и пути развития Юга России / гл. ред. Г. Г. Матишов ; Российская академия наук, Южный научный центр. – Азов : Южный научный центр РАН, 2006. – С. 42–44.
5. Белоусов, С. С. Самовольные переселенческие рыбацкие поселки на калмыцких землях (вторая половина XVIII–XIX вв.) / С. С. Белоусов // Oriental Studies. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 685–696. – doi: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-685-696.
6. Белоусов, С. С. Самовольные поселения на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний: переселенцы и губернские власти (XIX – начало XX вв.) / С. С. Белоусов // Новый исторический вестник. – 2018. – № 1 (55). – С. 6–21. – doi: 10.24411/2072-9286-2018-00001.
7. Бородин, Н. А. Исторический опыт развития каспийского сельдяного промысла и общие сведения о его современном состоянии / Н. А. Бородин // Труды Каспийской экспедиции. – Санкт-Петербург : Типо-литогр. М. П. Фроловой, 1908 г. – Т. 2. – С. 138–163.
8. Бородин, Н. А. Каспийско-Волжское рыболовство и его экономическое значение / Н. А. Бородин. – Санкт-Петербург : Тип. Киршбаума, 1903. – 96 с.
9. Бородин, Н. А. Очерк сельдяного промысла по западному побережью Каспия / Н. А. Бородин. – Санкт-Петербург : Тип. В. Киршбаума, 1904. – 35 с.
10. Бурматова, О. П. Кластеры как форма локальных производственных систем / О. П. Бурматова // Мир экономики и управления. – 2016. – Т. 16, № 4. – С. 93–108.
11. Бэр, К. М. Отчёт о действиях Каспийской экспедиции в 1853 г. / К. М. Бэр // Вестник Императорского русского географического общества. – 1854. – Кн. 1, ч. 10. – Гл. 5. – С. 1–19.
12. Ведомость числа речных промыслов, морских ватаг и ловецких станом и количества и размера промысловой их посуды, в рыболовных водах, подведомственных Астраханскому управлению рыбных и тюленьих промыслов // Вестник рыбопромышленности. – 1889. – № 3. – С. 120.
13. Виноградов, С. В. Государственная политика по созданию новой миграционной модели в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. / С. В. Виноградов, Ю. Г. Ещенко // Исторический курьер. – 2023. – № 4 (30). – С. 116–132. – doi: 10.31518/2618-9100-2023-4-9.
14. Виноградов, С. В. К вопросу о численности трудовых мигрантов в рыбной отрасли Астраханской губернии в пореформенный период / С. В. Виноградов, Ю. Г. Ещенко // Актуальные проблемы гуманитарного знания: прошлое и современность / под ред. И. В. Турицына, С. И. Алиевой. – Москва : Науч.-исслед. ин-т истории, экономики и права, 2023. – С. 37–44.
15. Виноградов, С. В. Проблемы освоения окраинных российских территорий в XVIII в.: поиск стратегии (на примере Волго-Каспийского рыболовного района) / С. В. Виноградов, Ю. Г. Ещенко, Е. В. Савельева, О. В. Лихолет // Былые годы. – 2022. – № 17 (4). – С. 1564–1574. – doi: 10.13187/bg.2022.4.1564.

16. Виноградов, С. В. Трудовая миграция в структуре промышленно-промыслового хозяйства Волго-Каспийского рыболовного района в конце XIX – начале XX в.: социально-экономический аспект / С. В. Виноградов, Н. И. Кулакова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2023. – № 3 (76). – С. 39–53. – doi: 10.54398/1818510X_2023_3_39.
17. Воронова, А. А. К проблеме заселения Северного Прикаспия в XIX – начале XX в.: п. Лагань / А. А. Воронова, И. В. Кузьмина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2022. – № 1 (70). – С. 9–15. – doi: 10.54398/1818-510X_2022_1_9.
18. Воронова, А. А. Мотивация переселенческих движений в Нижнее Поволжье в XIX – начале XX в / А. А. Воронова // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки / отв. ред.: А. О. Тюрин, А. В. Сызранов, В. О. Кулаков. – Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2014. – С. 64–68.
19. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О устройстве рыбных на Каспийском море промыслах» от 9 ноября 1842 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Санкт-Петербург : Тип. II Отд. Собст. Е. И. В. Канц., 1843. – Собр. 2, т. 17 (1842), № 16190. – С. 101–104.
20. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров «О наделении землями казаков, на Кавказской линии поселенных» от 11 декабря 1823 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Санкт-Петербург : Тип. II Отд. Собст. Е. И. В. Канц., 1830. – Собр. 1, т. 38 (1822–1823), № 29682. – С. 1301.
21. Высочайше утвержденный доклад министра внутренних дел «Об Астраханском рыбном и тюленьем промыслах. Предварительные для основания оных положения или генеральные правила и штат учреждаемы для себя при Астраханском губернском правлении Экспедиции» от 17 июля 1803 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Санкт-Петербург : Тип. II Отд. Собст. Е. И. В. Канц., 1830. – Собр. 1, т. 27 (1802–1803), № 20851. – С. 743–753.
22. Высочайше утвержденный доклад министра внутренних дел «Об экспедиции рыбного промысла, учреждаемом при Астраханском губернском правлении» от 17 июля 1803 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Санкт-Петербург : Тип. II Отд. Собст. Е. И. В. Канц., 1830. – Собр. 1, т. 27 (1802–1803), № 20851. – С. 743.
23. Grimm, O. A. Каспийско-Волжское рыболовство / О. А. Гримм. – Санкт-Петербург : Тип. В. Демакова, 1896. – 154 с.
24. Гримм, О. А. О губительном влиянии нефти на рыб и мерах противодействия этому / О. А. Гримм // Вестник рыбопромышленности. – 1891. – № 12. – С. 379–387.
25. Данилевский, Н. Я. Взгляд на рыболовство в России / Н. Я. Данилевский // Сборник политических и экономических статей Н. Я. Данилевского. – Санкт-Петербург : Изд. Н. Страхов, 1890. – С. 406–451.
26. Данилевский, Н. Я. Проект устройства Каспийского и Волжского рыболовства / Н. Я. Данилевский. – Астрахань : Тип. Леспинова, 1862. – 84 с.
27. Дело об устройстве рыбных промыслов на Каспийском море // Российский государственный исторический архив. – Ф. 1152. – Оп. 3, 1842 г. – Д. 55 Б.
28. Доклад И. И. Розенфельда «Об опасности для Астраханского рыболовства» // Государственный архив Астраханской области. – Ф. 543. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 10.
29. Донесение управляющего Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами Д. Хомутова астраханскому губернатору о бездействии местной полиции по отношению к выступлению ловцов // Государственный архив Астраханской области. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1129.
30. Ещенко, Ю. Г. Проблемы обустройства вольных мигрантов в Волго-Каспийский рыболовный район в пореформенный период / Ю. Г. Ещенко, Е. Е. Красноженова // Вопросы истории. – 2023. – № 5–2. – С. 30–43. – doi: 10.31166/VoprosyIstorii202305Statyi46.
31. Забурунский, Е. Каспийский ловец и его сетка (К прениям в Астраханском обществе рыболовства) / Е. Забурунский // Рыбное дело. – 1893. – № 7. – С. 107–110.
32. Заявление конторы Синеморских промыслов в Управление рыбных и тюленьих промыслов о незаконном лове рыбы // Государственный архив Астраханской области. – Ф. 194. – Оп. 1. – Д. 498.
33. Из донесения председателя Астраханского правления рыбными и тюленьими промыслами Шульца в адрес Астраханского губернатора о незаконном скупе рыбы // Государственный архив Астраханской области. – Ф. 189. – Оп. 1. – Д. 22.
34. Именной указ «Об отмене акциза, взимаемого с соли, с 1 января 1881 г., и о соразмерном уменьшении таможенной пошлины с соли, привозимой из-за границы» от 23 ноября 1880 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Санкт-Петербург :

Государственная типография, 1884. – Собр. 2, т. 55 (19 февраля 1880 – 28 февраля 1881), ч. 1, № 61578. – С. 709.

35. Именной, данный Сенату «О том, что воды морские, даже при местах действительно заселенных, никогда и нигде частному владельцу не принадлежат, и об обращении рыбных ловель в Астраханской губернии в прежнее общее употребление» от 27 августа 1803 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Санкт-Петербург : Тип. II Отд. Собст. Е. И. В. Канц., 1830. – Собр. 1, т. 27 (1802–1803), № 20388. – С. 232–234.

36. История Астраханского края. – Астрахань : Астраханский гос. пед. ун-т, 2000. – 1122 с.

37. К вопросу о необходимости полной реорганизации морского рыбного промысла // Рыбное дело – 1912. – № 5. – С. 10–12.

38. Кузьмина, И. В. Государственное регулирование переселений в Нижнее Поволжье во второй половине XIX – начале XX в. / И. В. Кузьмина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 2 (27). – С. 33–38.

39. Кузьмина, И. В. К вопросу о роли миграционных процессов в развитии капиталистических отношений в Астраханской губернии в середине XIX в. / И. В. Кузьмина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2017. – № 3 (52). – С. 228–233.

40. Лебедев, К. Н. О каспийском рыболовстве / К. Н. Лебедев. – Санкт-Петербург : Штаб отд. корпуса внутр. стражи, 1863. – 132 с.

41. Лепешинская, А. Волга / А. Лепешинская, Б. Добрынин. – Москва : Тов-во И. Д. Сытина, 1911. – 280 с.

42. Медведев, В. Н. Рыболовный промысел населения Сарепты и Черноярского уезда Астраханской губернии / В. Н. Медведев // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 5. – С. 14–21.

43. Мержвинский, И. Кое-что о современной речной «громке» / И. Мержвинский // Рыбное дело. – 1892. – № 8. – С. 113–116.

44. Несколько замечаний Черноярских промышленников о новых правилах рыболовства // Рыбное дело. – 1892. – № 7. – С. 104–106.

45. О разрешении красноярским жителям ловить весной настоящего года сельдь плавными сетями // Рыбное дело. – 1892. – № 11. – С. 145.

46. Овсянников, А. Географические очерки и картины / А. Овсянников. – Санкт-Петербург : Типо-литогр. Цедербаума и Гольденблюма, 1878. – Т. 1: Очерки и картины Поволжья. – 335 с.

47. Отчёт Астраханского управления рыбными и тюленьими промыслами и краткий обзор Каспийско-Волжского Рыболовства и тюленьего промысла за 1897 г. – Астрахань : Тип. Н. Я. Петровых и Ф. Н. Шлякова, 1898. – 141 с.

48. Отчёт Астраханского управления рыбными и тюленьими промыслами и краткий обзор Каспийско-Волжского рыболовства и тюленьего промысла за 1898 г. – Астрахань : Губернская типография, 1900. – 318 с.

49. Отчёт Астраханского управления рыбными и тюленьими промыслами и краткий обзор Каспийско-Волжского рыболовства и тюленьего промысла за 1899 и 1900 гг. – Астрахань : Тип. Н. Петровых и Ф. Шлякова, 1901. – 135, 159 с.

50. Памятная книжка Нижегородской губернии на 1865 г. – Нижний Новгород : Нижегородская губ. тип., 1864. – 514 с.

51. Промысел волжской миноги // Вестник рыбопромышленности. – 1916. – № 12. – С. 656–677.

52. Протокол заседания Комитета Каспийских рыбных и тюленьих промыслов по вопросам содействия красноярским ловцам, пострадавшим от недолова // Государственный архив Астраханской области. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 73.

53. Протоколы Комитета Каспийских рыбных и тюленьих промыслов : в 7 ч. – Москва : Типо-литогр. Высочайше утверждённого тов-ва И. Н. Кушнеров и К, 1895. – Ч. 7: 1890–1893. – С. 60–213.

54. Протоколы Комитета Каспийских рыбных и тюленьих промыслов : в 7 ч. – Астрахань : Тип. «Рыбного дела» Н. Л. Рослякова, 1893. – Ч. 2: 1870–1873. – 115 с.

55. Протоколы Комитета Каспийских рыбных и тюленьих промыслов : в 7 ч. – Астрахань : Паровая новая русская типография, 1893. – Ч. 3: 1874–1877. – 133 с.

56. Прошение черноярских рыбопромышленников, направленное царю Александру Николаевичу о разрешении жиротопление из миноги // Государственный архив Астраханской области. – Ф. 194. – Оп. 1. – Д. 275.

57. Сведения о миножем промысле // Рыбное дело. – 1912. – № 4. – С. 35.

58. Устав Каспийских рыбных и тюленьих промыслов 25 мая 1865 г. // Достояние губернии: Из истории астраханских рыбных промыслов XVIII – начало XX в. – Астрахань : Каспийский науч.-исслед. ин-т рыбного хоз-ва, 2003. – С. 71–80.

References

1. Badmaeva, E. N. K voprosu o prirodno-klimaticheskikh faktorakh i perekhode na osedlost kalmykov-kochevnikov (1920–1930-e gg.) [On the issue of natural and climatic factors and the transition to sedentism of Kalmyk nomads (1920–1930s)]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 2 (75), pp. 102–111. doi: 10.54398/1818510X_2023_2_102.
2. Belousov, S. S. Samovolnye pereselencheskie rybatskie poselki na kalmyckikh zemlyakh (vtoraya polovina XVIII–XIX v.) [Unauthorized resettlement fishing villages on Kalmyk lands (second half of the 18th–19th centuries)]. *Oriental Studies*. 2021, vol. 14, no. 4, pp. 685–696. doi: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-685-696.
3. Belousov, S. S. Gosudarstvennaya vlast i rybackie poselki na zemlyakh kochevnikov v Severo-Zapadnom Prikaspii (vtoraya polovina XVIII–XIX vv.) [State power and fishing villages on the lands of nomads in the North-Western Caspian region (second half of the 18th–19th centuries)]. *Bylye gody*. 2021, no. 16 (2), pp. 535–542. doi: 10.13187/bg.2021.2.535.
4. Belousov, S. S. Gosudarstvennaya politika zaseleniya Astrahansko-Kizlyarskogo i Tsaritsynsko-Stavropolskogo traktov vo vtoroy polovine XIX veka [State policy of settlement of the Astrakhan-Kizlyar and Tsaritsyn-Stavropol tracts in the second half of the 19th century]. *Voprosy istorii*. 2011, no. 3, pp. 153–158.
5. Belousov, S. S. Osnovnye tendentsii migratsionnykh protsessov naseleniya Kalmykii v postsovetitskiy period [Main trends in migration processes of the population of Kalmykia in the post-Soviet period]. *Sovremennoe sostoyaniye i puti razvitiya Yuga Rossii* [Current state and development paths of the South of Russia]. Ed.-in-Chief G. G. Matishov. Azov: Southern Scientific Center of the RAS; 2006, pp. 42–44.
6. Belousov, S. S. Samovolnye poseleniya na kalmyckikh zemlyakh Astrakhanskoy i Stavropolskoy guberniy: pereselentsy i gubernskie vlasti (XIX – nachalo XX vekov) [Unauthorized settlements on the Kalmyk lands of the Astrakhan and Stavropol provinces: settlers and provincial authorities (19th – early 20th centuries)]. *Novyy istoricheskiy vestnik* [New historical bulletin]. 2018, no. 1 (55), pp. 6–21. doi 10.24411/2072-9286-2018-00001.
7. Borodin, N. A. Istoricheskiy opyt razvitiya kaspiyskogo seldyanogo promysla i obshchie svedeniya o ego sovremennom sostoyanii [Historical experience in the development of the Caspian herring fishery and general information about its current state]. *Trudy Kaspiyskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Caspian expedition]. St. Petersburg: Typo-lithography of M. P. Frolova; 1908, vol. 2, pp. 138–163.
8. Borodin, N. A. *Kaspiysko-Volzhskoe rybolovstvo i ego ekonomicheskoe znachenie* [Caspian-Volga fishing and its economic significance]. St. Petersburg: Tipography of Kirshbaum; 1903, 96 p.
9. Borodin, N. A. *Ocherk seldyanogo promysla po zapadnomu poberezh'yu Kaspiya* [Essay on the herring fishery along the western coast of the Caspian Sea]. St. Petersburg: Tipography of V. Kirshbaum; 1904, 35 p.
10. Burmatova, O. P. Klasteri kak forma lokalnykh proizvodstvennykh sistem [Clusters as a form of local production systems]. *Mir ekonomiki i upravleniya* [World of Economics and Management]. 2016, vol. 16, no. 4, pp. 93–108.
11. Ber, K. M. Otchet o deystviyakh Kaspiyskoy ekspeditsii v 1853 godu [Report on the actions of the Caspian expedition in 1853]. *Vestnik Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society]. 1854, book 1, part 10, chapter 5, pp. 1–19.
12. Vedomost chisla rechnykh promyslov, morskikh vatag i loveckikh stanev i kolichestva i razmera promyslovoy ih posudy, v rybolovnykh vodakh, podvedomstvennykh Astrakhanskomu upravleniyu rybnym i tyulenim promyslov [List of the number of river fisheries, sea gangs and fishing camps and the number and size of their fishing utensils in fishing waters subordinate to the Astrakhan Department of Fisheries and Seal Fisheries]. *Vestnik rybopromyshlennosti* [Bulletin of the Fishery Industry]. 1889, no. 3, p. 120.
13. Vinogradov, S. V., Eshchenko, Yu. G. Gosudarstvennaya politika po sozdaniyu novoy migratsionnoy modeli v Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [State policy to create a new migration model in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Istoricheskiy kurer* [Historical Courier]. 2023, no. 4 (30), pp. 116–132. doi: 10.31518/2618-9100-2023-4-9.

14. Vinogradov, S. V., Eshchenko, Yu. G. K voprosu o chislennosti trudovykh migrantov v rybnoy otrasli Astrahanskoy gubernii v poreformenny period [On the issue of the number of labor migrants in the fishing industry of the Astrakhan province in the post-reform period]. *Aktualnye problemy gumanitarnogo znaniya: proshloe i sovremennost* [Current problems of humanitarian knowledge: past and present]. Ed. by I. V. Turitsyn, S. I. Alieva. Moscow: Research Institute of History, Economics and Law; 2023, pp. 37–44.

15. Vinogradov, S. V., Eshchenko, Yu. G., Saveleva, Ye. V., Likholet, O. V. Problemy osvoeniya okrainnykh rossiyskikh territoriy v XVIII v.: poisk strategii (na primere Volgo-Kaspiyskogo rybolovnogo rayona) [Problems of development of marginal Russian territories in the 18th century: search for a strategy (on the example of the Volga-Caspian fishing region)]. *Bylye gody*. 2022, no. 17 (4), pp. 1564–1574. doi: 10.13187/bg.2022.4.1564.

16. Vinogradov, S. V., Kulakova, N. I. Trudovaya migratsiya v strukture promyshlenno-promyslovogo khozyaystva Volgo-Kaspiyskogo rybolovnogo rayona v kontse XIX – nachale XX v.: sotsialno-ekonomicheskij aspekt [Labor migration in the structure of the industrial and fishing economy of the Volga-Caspian fishing region in the late 19th – early 20th centuries: socio-economic aspect]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 3 (76), pp. 39–53. doi: 10.54398/1818510X_2023_3_39.

17. Voronova, A. A., Kuzmina, I. V. K probleme zaseleniya Severnogo Prikaspiya v XIX – nachale XX v.: p. Lagan [On the problem of settling the Northern Caspian region in the 19th – early 20th centuries: Lagan settlement]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 1 (70), pp. 9–15. doi: 10.54398/1818-510X_2022_1_9.

18. Voronova, A. A. Motivatsiya pereselencheskikh dvizheniy v Nizhnee Povolzh'e v XIX – nachale XX v. [Motivation of resettlement movements in the Lower Volga region in the 19th – early 20th centuries]. *Perekrestki istorii. Aktualnye problemy istoricheskoy nauki* [Crossroads of History. Current problems of historical science]. Ed. by A. O. Tyurin, A. V. Syzranov, V. O. Kulakov. Astrakhan: Publisher: Sorokin Roman Vasilievich; 2014, pp. 64–68.

19. Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta “O ustroystve rybnykh na Kaspiyskom more promyslakh” ot 9 noyabrja 1842 g. [The highest approved opinion of the State Council “On the organization of fisheries in the Caspian Sea” dated November 9, 1842]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Tip. II Otd. Sobstv. E. I. V. Kants.; 1843, collection 2, vol. 17 (1842), no. 16190, pp. 101–104.

20. Vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie Komiteta ministrov “O nadelanii zemlyami kazakov, na Kavkazskoy linii poselennykh” ot 11 dekabrya 1823 g. [The highest approved Regulation of the Committee of Ministers “On the allocation of lands to the Cossacks settled on the Caucasian line”]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Tip. II Otd. Sobstv. E. I. V. Kants.; 1830, collection 1, vol. 38 (1822–1823), no. 29682, p. 1301.

21. Vysochayshe utverzhdennoy doklad ministra vnutrennykh del “Ob Astrakhanskom rybnom i tyulenem promyslakh. Predvaritelnye dlya osnovaniya onykh polozheniya ili generalnye pravila i shtat uchrezhdaemy dlya sebya pri Astrakhanskom gubernskom pravlenii Ekspeditsii” ot 17 iyulya 1803 g. [The highest approved report of the Minister of Internal Affairs “On the Astrakhan fishery and seal industry. Preliminary provisions for the foundation of these provisions or general rules and staff are established for themselves under the Astrakhan provincial government of the Expedition”]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Tip. II Otd. Sobstv. E. I. V. Kants.; 1830, collection 1, vol. 27 (1802–1803), no. 20851, pp. 743–753.

22. Vysochayshe utverzhdennoy doklad ministra vnutrennykh del “Ob ekspeditsii rybnogo promysla, uchrezhdaemom pri Astrakhanskom gubernskom pravlenii” ot 17 iyulya 1803 g. [The highest approved report of the Minister of Internal Affairs “On the fishing expedition established under the Astrakhan provincial government”]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Tip. II Otd. Sobstv. E. I. V. Kants.; 1830, collection 1, vol. 27 (1802–1803), no. 20851, p. 743.

23. Grimm, O. A. *Kaspiysko-Volzhskoe rybolovstvo* [Caspian-Volga fishery]. St. Petersburg: Typography of V. Demakov; 1896, 154 p.

24. Grimm, O. A. O gibel'nom vliyaniy nefti na ryb i merakh protivodeystviya etomu [About the disastrous effect of oil on fish and measures to counteract this]. *Vestnik rybopromyshlennosti* [Bulletin of the fishing industry]. 1891, no. 12, pp. 379–387.

25. Danilevskiy, N. Ya. Vzgl'yad na rybolovstvo v Rossii [A look at fishing in Russia]. *Sbornik politicheskikh i ekonomicheskikh statey N. Ya. Danilevskogo* [Collection of political and economic articles by N. Ya. Danilevsky]. St. Petersburg: N. Strakhov; 1890, pp. 406–451.
26. Danilevskiy, N. Ya. *Proekt ustroystva Kaspiyskogo i Volzhskogo rybolovstva* [Project for the organization of the Caspian and Volga fisheries]. Astrakhan: Typography of Lespikov; 1862, 84 p.
27. Delo ob ustroystve rybnykh promyslov na Kaspiyskom more [The case about the organization of fisheries in the Caspian Sea]. *Russian State Historical Archive*. Found 1152, inventory 3, 1842, case 55 B.
28. Doklad I. I. Rozenfelda “Ob opasnosti dlya Astrahanskogo rybolovstva” [Report by I. I. Rosenfeld “On the danger to Astrakhan fisheries”]. *Russian State Historical Archive*. Found 543, inventory 2, case 1.
29. Donesenie upravlyayushchego Kaspiysko-Volzhskimi rybnymi i tyulenimi promyslami D. Khomutova astrakhanskomu gubernatoru o bezdeystvii mestnoy politsii po otnosheniyu k vystupleniyu lovtsov [Report from the manager of the Caspian-Volga fisheries and seal fisheries D. Khomutov to the Astrakhan governor about the inaction of the local police in relation to the performance of the catchers]. *Russian State Historical Archive*. Found 1, inventory 1, case 1129.
30. Eshchenko, Yu. G., Krasnozhenova, E. E. Problemy obustroystva volnykh migrantov v Volgo-Kaspiyskiy rybolovnyy rayon v poreformenny period [Problems of settling free migrants in the Volga-Caspian fishing region in the post-reform period]. *Voprosy istorii*. 2023, no. 5–2, pp. 30–43. doi: 10.31166/VoprosyIstorii202305Statyi46.
31. Zaburunskiy, Ye. Kaspiyskiy lovtsev i ego setka (K preniyam v Astrahanskom obshchestve rybolovstva) [Caspian catcher and his net (To the debate in the Astrakhan Fisheries Society)]. *Rybnoe delo* [Fishing business]. 1893, no. 7, pp. 107–110.
32. Zayavlenie kontory Sinemorskikh promyslov v Upravlenie rybnykh i tyulenikh promyslov o nezakonnom love ryby [Statement from the Sinemorsky Fisheries office to the Department of Fisheries and Seal Fisheries about illegal fishing]. *State Archive of the Astrakhan Region*. Found 194, inventory 1, case 498.
33. Iz doneseniya predsedatelya Astrakhanskogo pravleniya rybnymi i tyulenimi promyslami Shultsa v adres Astrakhanskogo gubernatora o nezakonnom skupye ryby [From the report of the Chairman of the Astrakhan Board of Fisheries and Seal Fisheries Schultz to the Astrakhan Governor about illegal stingy fishing]. *State Archive of the Astrakhan Region*. Found 189, inventory 1, case 22.
34. Imennoy ukaz “Ob otmene aktsiza, vzimaemogo s soli, s 1 yanvarja 1881 g., i o sorazmernom umenshenii tamozhennoy poshliny s soli, privozimoy iz-za granitsy” ot 23 noyabrya 1880 g. [Personal decree “On the abolition of the excise tax levied on salt from January 1, 1881, and on a proportionate reduction in the customs duty on salt imported from abroad” dated November 23, 1880]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya; 1884, collection 2, vol. 55 (February 19, 1880 – February 28, 1881), part 1, no. 61578, p. 709.
35. Imennoy, dannyy Senatu “O tom, chto vody morskije, dazhe pri mestakh deystvitelno zeselennykh, nikogda i nigde chastnomu vladeltsu ne prinadlezhat, i ob obrashchenii rybnykh lovel v Astrakhanskoy gubernii v prezhnnee obshchee upotreblenie” ot 27 avgusta 1803 g. [Personalized, given to the Senate “On the fact that sea waters, even in places that are truly inhabited, never belong to a private owner, and on the return of fishing grounds in the Astrakhan province to their former general use”]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Tip. II Otd. Sobstv. E. I. V. Kants.; 1830, collection 1, vol. 27 (1802–1803), no. 20388, pp. 232–234.
36. *Istoriya Astrakhanskogo kraja* [History of the Astrakhan region]. Astrakhan: Astrakhan State Pedagogical University; 2000, 1122 p.
37. K voprosu o neobkhodimosti polnoy reorganizatsii morskogo rybnogo promysla [On the issue of the need for a complete reorganization of marine fishing]. *Rybnoe delo* [Fisheries]. 1912, no. 5, pp. 10–12.
38. Kuzmina, I. V. K voprosu o roli migratsionnykh protsessov v razvitii kapitalisticheskikh otnosheniy v Astrakhanskoy gubernii v seredine XIX veka [On the role of migration processes in the development of capitalist relations in the Astrakhan province in the middle of the 19th century]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: Politics, Economics, Culture]. 2017, no. 3 (52), pp. 228–233.
39. Kuzmina, I. V. Gosudarstvennoe regulirovanie pereseleniy v Nizhnem Povolzh'e vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v [State regulation of resettlement in the Lower Volga region in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: Politics, Economics, Culture]. 2011, no. 2 (27), pp. 33–38.

40. Lebedev, K. N. *O kaspiyskom rybolovstve* [About Caspian fishing]. St. Petersburg: Shtab Otd. korpusa vnutr. strazhi; 1863, 132 p.
41. Lepeshinskaya A., Dobrynin, B. *Volga*. Moscow: Tipography T-va I. D. Sytina; 1911: 280 p.
42. Medvedev, V. N. Rybolovnyy promysel naseleniya Sarepty i Chernoyarskogo uezda Astrahanskoy gubernii [Fishing industry of the population of Sarepta and Chernoyarsk district of the Astrakhan province]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2013; no. 5: pp. 14–21.
43. Merzhvinskiy, I. Koe-cto o sovremennoy rechnoy “gromke” [Something about the modern river “loudness”]. *Rybnoe delo* [Fisheries]. 1892, no. 8, pp. 113–116.
44. Neskolkо zamechaniy Chernoyarskikh promyshlennikov o novykh pravilakh rybolovstva [Several comments from Chernoyarsk industrialists on the new fishing rules]. *Rybnoe delo* [Fisheries]. 1892, no. 7, pp. 104–106.
45. O razreshenii krasnoyarskim zhitelyam lovit vesnoy nastoyashchego goda seld plavnyymi setyami [On permission for Krasnoyarsk residents to catch herring with floating nets in the spring of this year]. *Rybnoe delo* [Fisheries]. 1892, no. 11, p. 145.
46. Ovsyannikov, A. *Geograficheskie ocherki i kartiny* [Geographical essays and pictures]. St. Petersburg: Tipo-litography of Cederbaum i Goldenblyum; 1878, 335 p.
47. *Otchet Astrakhanskogo upravleniya rybnymi i tyulenimi promyslami i kratkiy obzor Kaspiysko-Volzhskogo Rybolovstva i tyulenego promysla za 1897 god* [Report of the Astrakhan Department of Fisheries and Seal Fisheries and a brief overview of the Caspian-Volga Fishery and Seal Fisheries for 1897]. Astrakhan: Tipography of N. Ya. Petrovykh and F. N. Shlyakov; 1898, 141 p.
48. *Otchet Astrakhanskogo upravleniya rybnymi i tyulenimi promyslami i kratkiy obzor Kaspiysko-Volzhskogo rybolovstva i tyulenego promysla za 1898 g.* [Report of the Astrakhan Department of Fisheries and Seal Fisheries and a brief overview of the Caspian-Volga fishery and seal industry for 1898]. Astrakhan: Gubernskaya tipografiya; 1900, 318 p.
49. *Otchet Astrakhanskogo upravleniya rybnymi i tyulenimi promyslami i kratkiy obzor Kaspiysko-Volzhskogo rybolovstva i tyulenego promysla za 1899 i 1900 gg.* [Report of the Astrakhan Department of Fisheries and Seal Fisheries and a brief overview of the Caspian-Volga fishery and seal industry for 1899 and 1900]. Astrakhan: Tipography of N. Ya. Petrovykh and F. N. Shlyakov; 1901, 135, 159 p.
50. *Pamyatnaya knizhka Nizhegorodskoy gubernii na 1865 g.* [Memorial book of the Nizhny Novgorod province for 1865]. Nizhny Novgorod : Nizhegorodskaya gubernskaya tipografiya; 1864: 514 p.
51. Promysel volzhskoy minogi [Fishing for the Volga lamprey]. *Vestnik rybopromyshlennosti* [Bulletin of the Fishery Industry]. 1916, no. 12, pp. 656–677.
52. Protokol zasedaniya Komiteta Kaspiyskikh rybnikh i tyulenikh promyslov po voprosam sodeystviya krasnoyarskim lovtсам, postradavshim ot nedolova [Minutes of the meeting of the Caspian Fishing and Seal Fisheries Committee on issues of assistance to Krasnoyarsk fishermen who suffered from underfishing]. *State Archive of the Astrakhan Region*. Found 199, inventory 1, case 73.
53. *Protokoly Komiteta Kaspiyskikh rybnikh i tyulenikh promyslov: v 7 chastyakh* [Protocols of the Committee of the Caspian Fishing and Seal Fisheries: in 7 parts]. Moscow: Tipo-litography Vysochayshe utverzhennogo t-va I. N. Kushnerov i K.; 1895, part 7: 213 p.
54. *Protokoly Komiteta Kaspiyskikh rybnikh i tyulenikh promyslov: v 7 chastyakh* [Minutes of the Committee of the Caspian Fishing and Seal Fisheries: in 7 parts]. Astrakhan: Rybnoe delo N. L. Roslyakova; 1893, part 2, 115 p.
55. *Protokoly Komiteta Kaspiyskikh rybnikh i tyulenikh promyslov: v 7 chastyakh* [Minutes of the Committee of the Caspian Fishing and Seal Fisheries: in 7 parts]; Astrakhan: Parovaya novaya russkaya tipografiya; 1893, part 3, 133 p.
56. Proshenie chernoyarskikh rybopromyshlennikov, napravlennoe tsaryu Aleksandru Nikolaevichu o razreshenii zhirotoplenie iz minogi [Petition from Chernoyarsk fisheries owners sent to Tsar Alexander Nikolaevich for permission to melt lamprey with fat]. *State Archive of the Astrakhan Region*. Found 194, inventory 1, case 275.
57. Svedeniya o minozhem promysle [Information about lamprey fishing]. *Rybnoe delo* [Fisheries]. 1912, no. 4, p. 35.
58. Ustav Kaspiyskikh rybnikh i tyulenikh promyslov 25 maya 1865 g. [Charter of the Caspian fisheries and seal fisheries May 25, 1865]. Dostoyanie gubernii: Iz istorii astrahanskikh rybnikh promyslov XVIII – nachala XX vv. [Property of the province: From the history of Astrakhan fisheries 18th – early 20th centuries]. Astrakhan: Caspian Scientific Research Institute of Fisheries; 2003, pp. 71–80.

Информация об авторах

Кулакова Н. И. – кандидат исторических наук;

Красноженова Е. Е. – доктор исторических наук, профессор.

Information about the authors

Kulakova N. I. – Candidate of Historical Sciences;

Krasnozhennova Ye. Ye. – Doctor of Historical Sciences, Professor.

Вклад авторов

Кулакова Н. И. – разработка концепции исследования, обработка и представление материалов источников, написание исходного текста, итоговые выводы;

Красноженова Е. Е. – научное руководство, работа в архиве, доработка текста, итоговые выводы.

Contribution of the authors

Kulakova N. I. – development of the research concept, processing and presentation of source materials, writing the source text, final conclusions;

Krasnozhennova Ye. Ye. – scientific guidance, work in the archive, revision of the text, final conclusions.

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 30.09.2023.

The article was submitted 28.08.2023; approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 30.09.2023.